кахъ только потому, что они живы, что своей мыслью о нихъ, своей работой надъ покинутымъ ими дѣломъ, мы помогаемъ имъ творить какое-то иное дѣло въ иной странѣ...

Самое характерное въ духовной личности Толстого то, что онъ былъ мистикомъ. Той непосредственной интуиціей, которая открываетъ намъ правду, недоступную обычному познанію, онъ угадывалъ, прозрѣвалъ и познавалъ то, мимо чего проходитъ современная культура. Въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ своихъ Толстой идетъ своимъ путемъ, противополагая шаблоннымъ точкамъ зрѣнія на жизнь самостоятельно пережитую и прочувствованную имъ правду. Важнѣйшій моментъ въ этомъ мистическомъ развитіи Толстого былъ тотъ, когда онъ съ полной ясностью ощутилъ призрачность и безпочвенность безрелигіозной жизни. Это, какъ извѣстно, далось ему очень не рано, послѣ долгихъ и мучительныхъ исканій, но зато, переживъ фазу безрелигіозности, не умомъ, а всей полнотой мистическихъ силъ познавъ, что лишь въ религіозныхъ переживаніяхъ человѣкъ обрѣтаетъ твердую почву, Толстой уже навсегда остался религіознымъ человѣкомъ. И никто не заподозритъ правдивости и искренности его религіозныхъ переживаній: Толстой дѣйствительно имѣлъ религіозный опытъ, въ немъ дѣйствительно была религіозная жизнь, и недаромъ отъ огня, горѣвшаго въ его сердцѣ, зажглось не мало другихъ сердецъ.

Толстой былъ мистикъ. Но его мистическіе запросы, поскольку о нихъ можно судить по внѣшнимъ даннымъ, коренились не въ чувствѣ, а въ умѣ. Толстому нужно было прежде всего и больше всего понять дѣйствительность, осмыслить свою жизнь,—и въ этомъ исканіи смысла жизни пожалуй можно видѣть центральное, основное стремленіе его души. Бываютъ, конечно, иныя мистическія натуры, для которыхъ самое важное не понять и осмыслить жизнь, а найти разрѣшеніе тѣхъ глубокихъ замысловъ чувства, тѣхъ запросовъ его, которые имѣютъ свое начало въ „сердцѣ“, но не въ умѣ. У насъ нѣтъ основанія думать, что Толстой былъ вполнѣ чуждъ этимъ мистическимъ запросамъ чувства, но несомнѣнно, что не они опредѣлили его духовную жизнь. Вся его духовная личность сложилась въ работѣ надъ запросами ума, въ исканіи смысла жизни—и съ естественной неизбѣжностью это привело его